

УДК 821.161.1

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-0-16-20

С.В. ШЕШУНОВА,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры лингвистики
Государственного университета «Дубна» (Российская Федерация)*

СВОЕОБРАЗИЕ ТУРЕЦКОЙ ТЕМЫ В ПРОЗЕ И.С. ШМЕЛЕВА

В статье анализируется специфика осмысления турецкой культуры в произведениях И.С. Шмелева. На материале рассказов «Гассан и его Джедди» (1906), «Солдат Кузьма» (1915), «Трапезондский коньяк» (1938), романах «История любовная» (1927), «Няня из Москвы» (1933), повести «Под горами» (1910) исследуется актуализация писателем военной, религиозной, семейно-бытовой, любовной тематики.

Россия находилась в состоянии войны с Турцией чаще, чем с какими-то другими странами. За XVIII и XIX вв. она потеряла в турецких войнах не менее 740 тыс. человек, поэтому вполне закономерно, что в ее художественном сознании сложился негативный образ Турции, на что неоднократно указывали исследователи, акцентируя в русской литературе восприятие Турции как врага и враждебность русского народа по отношению к традициям, обычаям и образу жизни турков.

В произведениях И.С. Шмелева турецкая тема раскрывается в постижении русским человеком турецкой культуры. Взгляд писателя становится более объективным, охватывая как суеверные представления русского народа о турках как о темной силе, так и попытки освоить иной мир, сопоставить его с русской действительностью. В этом аспекте актуализируется оппозиция «свое» / «чужое», но уже без традиционной враждебности. Так, в осмыслении военной тематики писателем акцентируется уважение к военному искусству врага, отсутствие неприязни друг к другу у русских и турецких солдат; затрагивая религиозную тему, И.С. Шмелев показывает Турцию глазами человека мусульманской культуры – крымского татарина, для которого Турция воплощает мечту о праведной земле, где царит справедливость.

Исследование турецкой темы в прозе писателя позволяет прийти к выводу о том, что среди многочисленных героев И.С. Шмелева, вступающих во взаимоотношения с турками, только два эпизодических персонажа воспринимают их как враждебную силу. В подавляющем большинстве случаев, по контрасту с литературной традицией, отношения русских с турками развиваются в художественном мире Шмелева доброжелательно, а подчас даже идиллически. В рассказах «Солдат Кузьма» и «Трапезондский коньяк» этот идиллический характер отношений наблюдается даже между военными противниками. Ошибки в интерпретации поведения человека иной культуры в произведениях писателя не только не приводят к межнациональным или межрелигиозным конфликтам, но подчас даже содействуют успеху русско-турецкой межкультурной коммуникации. Таким образом, своеобразие турецкой темы в прозе Шмелева являет собой наглядный пример разрушения традиции и преодоления многовекового восприятия соседа как врага.

Ключевые слова: проза И.С. Шмелева, турецкая культура, военная тематика, религиозная тематика, семейно-бытовая тематика, межкультурная коммуникация.

У статті аналізується специфіка осмислення турецької культури у творах І.С. Шмелєва. На матеріалі оповідань «Гассан та його Джедді» (1906), «Солдат Кузьма» (1915), «Трапезондський коньяк» (1938), романів «Любовна історія» (1927), «Няня з Москви» (1933), повісті «Під горами» (1910) досліджується актуалізація письменником військової, релігійної, сімейно-побутової, любовної тематики.

Росія перебувала у стані війни з Туреччиною частіше, ніж з будь-якими іншими країнами. За XVIII та XIX ст. вона втратила у турецьких війнах не менш ніж 740 тис. осіб, тому цілком закономірно, що в її художній свідомості склався негативний образ Туреччини, що неодноразово зазначали дослідники, наголошуючи на сприйнятті в російській літературі Туреччини як ворога і на ворожості російського народу до традицій, звичаїв та образу життя турків.

У творах І.С. Шмелюва турецька тема розкривається в осягненні російською людиною турецької культури. Погляд письменника стає більш об'єктивним, охоплюючи як забобонні уявлення російського народу про турків як про темну силу, так і спроби освоїти новий світ, зіставити його з російською дійсністю. У цьому аспекті актуалізується опозиція «своє» / «чуже», але вже без традиційної ворожості. Так, в осмисленні воєнної тематики письменник наголошує на повазі до військового мистецтва ворога, відсутності неприязні один до одного у російських та турецьких солдат; торкаючись релігійної теми, І.С. Шмелюв показує Туреччину очима людини мусульманської культури – кримського татарина, для якого Туреччина втілює мрію про праведну землю, де царює справедливість.

Дослідження турецької теми у прозі письменника дозволяє дійти висновку про те, що серед численних героїв І.С. Шмелюва, що вступають у взаємостосунки з турками, тільки два епізодичних персонажі сприймають їх як ворожу силу. У більшості випадків, за контрастом з літературною традицією, стосунки росіян з турками розвиваються у художньому світі Шмелюва доброзичливо, а часом навіть ідилічно. В оповіданнях «Солдат Кузьма» та «Трапезондський коняк» цей ідилічний характер стосунків спостерігається навіть між військовими противниками. Помилки в інтерпретації поведінки людини іншої культури у творах письменника не тільки не приводять до міжнародних або міжрелігійних конфліктів, але часом навіть сприяють успіху російсько-турецької міжкультурної комунікації. Таким чином, своєрідність втілення турецької теми у прозі Шмелюва є наочним прикладом руйнування традиції та подолання багатовікового сприйняття сусіда як ворога.

Ключові слова: проза І.С. Шмелюва, турецька культура, воєнна тематика, релігійна тематика, сімейно-побутова тематика, міжкультурна комунікація.

Имя И.С. Шмелева (1873–1950) не упоминается в работах, посвященных образу Турции (и шире – мусульманского мира) в русской литературе [1; 2; 3]. Между тем в сочинениях этого писателя, созданных на протяжении десятилетий как на родине, так и в эмиграции, не раз появляются персонажи-турки, а в ряде эпизодов действие происходит в Стамбуле или глухой турецкой провинции. Как будет показано ниже, их изображение во многом противостоит традиции, сложившейся в русской литературе.

Россия находилась в состоянии войны с Турцией чаще, чем с какими-то другими странами – в 1632–1641, 1674, 1676–1678, 1711, 1736–1739, 1768–1774, 1787–1791, 1806–1812, 1827, 1828–1829, 1853–1856, 1877–1878 и 1914–1918 гг.; за XVIII и XIX ст она потеряла в турецких войнах не менее 740 тыс. человек [4, с. 42]. Закономерно, что в ее литературе сложился негативный образ Турции; Е.А. Ростовцев и И.В. Сидорчук показали это на материале многочисленных произведений, совершенно разных по времени создания и идеологии [2, с. 217]. По словам названных исследователей, «восприятие Турции как государства-врага распространяется и на отношение русского народа к туркам, их традициям, образу жизни и пр. Турка русский человек способен воспринимать только как врага на поле брани <...>. Само слово “турок” стало синонимом “коварного жестокого врага” <...>. Литературные образы второй половины XX века здесь не слишком ушли от времени М. Лермонтова» [2, с. 219].

В прозе Шмелева наблюдается совершенно иная картина. В его изображении военное противоборство с турками не включает в себя негативных эмоций по отношению к ним. Это касается как войны 1887–1888 гг., в которой участвует главный герой рассказа «Солдат Кузьма» (1915), так и кампании 1916 г., показанной в рассказе «Трапезондский коняк» (1938). Кузьма, вернувшийся с театра военных действий, отвечает на вопрос, не приходилось ли ему там беседовать с каким-нибудь турком: «Не случилось. А коль бы случилось, отчего не поговорить. Как под Плевной мы стояли, – крикнешь, бывало: “Эй, ты! здравствуй, Осман-паша!”, а он сейчас и отзовется: “Сала маленько!”. По-ихнему значит – здравствуй! А то – “кошке алтын!” – кричит. Значит, как вы поживаете, и всякая штука. Ничего, народ хороший» [5, с. 239]. Как видно, желание Кузьмы осмыслить иноязычную речь приводит к искажению услышанных реплик, порождая примеры так называемой народной, или ложной, этимологии. Примечателен, однако, его вывод из наблюдений над военным врагом: «народ хороший». Кузьма носит в себе турецкую пулю, что не мешает ему отзываться о противнике вполне доброжелательно: «С туркой, брат, не шути! <...> Он мастер драться. Драться с ним – одно удовольствие!» [5, с. 239].

Уважение к военному искусству врага высказывает и рассказчик-офицер в «Трапезондском коняке», где изображается противостояние с Турцией в ходе Первой мировой

войны: «турки отличные вояки» [6, с. 225]. В свою очередь, турки, побывавшие в боях с русскими, также не испытывают к противнику враждебных чувств. В только что упомянутом рассказе Мамут, вернувшийся с фронта и страдающий от полученной там раны, без возражений отдает дочь в жены незнакомому русскому офицеру; вчерашнего солдата не беспокоит, что его ребенок, беззащитная девушка, переходит во власть иноземца, иноверца и врага, с которым ее родина продолжает вести войну. Односельчане Мамута, мулла и «старшина безрукий» (видимо, тоже искалеченный на войне), заявляют: «...мы русских любим, обиды нам от них не было» [6, с. 228]. В романе «Няня из Москвы» (1933) доброжелательный к эмигрантам старик-турок помог Кате уберечься в Стамбуле от попадания в «приют развратный» [6, с. 124] благодаря тому, что освоил азы русского языка на предыдущей войне с Россией: «По-нашему сказать мог, старинный солдат был» [6, с. 124].

По словам Е.А. Ростовцева и И.В. Сидорчука, в русской литературе Турция предстает как «абсолютно чужая страна, все ее дикие нравы русским непонятны и неприятны <...>. Турки воспринимаются как невежественные, жестокие, коварные дикари с *абсолютно* иной культурой» [2, с. 219]. К Шмелеву такое заключение неприменимо. Правда, и в его произведениях турецкие реалии могут изображаться как непонятные – например, при описании брачного обряда в «Трапезондском коньяке»: «Мулла <...> поднял руки, полопотал... <...> наставили на бумажке палочек, мулла каракули разыграл винтами» [6, с. 230]. В том же рассказе упоминается «мулла, зеленая чалма, – три раза, значит, в Мекку ходил» [6, с. 228]; по мусульманской традиции, для получения права носить зеленую чалму достаточно совершить паломничество (хадж) в Мекку один раз [7, с. 402]. Рассказчица «Няни из Москвы» наивно полагает, что турки «месяцу... молятся» [6, с. 125].

Однако в этих произведениях восприятие турецкой жизни как малопонятной оборачивается не враждебностью к ней, а попытками освоить ее, проводя аналогии с русской действительностью: турецкие крестьяне именуются «анатолийскими мужиками» [6, с. 225], красавицу-турчанку русский солдат восхищенно называет «репкой» [6, с. 229], минареты уподоблены русским колокольням: «Глядим, а на море, чисто на облаках, башенки белые стоят, колоколенки словно наши, – Костинтинополь в тумане светится. А это мечети ихние, с месяцами все» [6, с. 121]. Однако само слово «минарет» рассказчица «Няни из Москвы», как видим, не употребляет, именуя этот элемент исламской архитектуры «башенками». В рассказе «Гассан и его Джедди» (1906) автор также по возможности избегает слов, связанных со спецификой мусульманской культуры, заменяя их синонимами: Гассан и Джедди «творили молитву» [8, с. 5], а не «совершали намаз»; Джедди – «маленькая фея» [8, с. 17], а не «пери».

Правда, в «Няне из Москвы» есть и описания турецкой жизни как враждебной, отталкивающей: «Жарынь, духота, двор вонючий, турецкой, <...> и мух этих... терпенья нет, как жилили, – турецкие, что ль, злющие такие» [6, с. 138]. Но это, пожалуй, единственный случай, когда слово «турецкий» употребляется как контекстуальный синоним эпитетов «дурной», «враждебный». В том же романе няня Дарья Степановна повествует о своей работе в турецком доме с большой теплотой, и детали местного быта предстают здесь вполне привлекательными: «Турочка молоденькая полюбила меня, оставляла жить у них. <...> Уж они меня сладостями кормили... <...> чего только душенька желает. И всяк день пироги с бараниной, на сале жарили, и рис миндальный, и... – ублажали, прямо. И жалованья прибавляли, так ценили. И турочки махонькие меня не отпускали, плакали» [6, с. 79]. Дарья Степановна не знает турецкого языка, но уверена, что маленькие турки понимают ее речь: «И сказки им сказывала, всё они разумели» [6, с. 79]. Для сравнения, в приведенном выше диалоге русского и турецкого солдат («Солдат Кузьма») собеседники также общаются на разных языках, однако рассказчик убежден, что они понимают друг друга, и вполне доволен таким уровнем вербального общения.

В прозе Шмелева присутствуют и попытки показать Турцию глазами человека мусульманской культуры – крымского татарина. Для Мустафы в повести «Под горами» (1910) Турция воплощает мечту о праведной земле, где царит справедливость: «Там, где стоит солнце в полдень, за далекой водой лежат земли великого султана, да навострит Аллах саблю его! <...> И всех покрывает там Аллах милостью своею и пророк мантиею своею» [10, с. 171]; «...лежит правда там и закон» [10, с. 195]. В «Солнце мертвых» (1923) татары, нарав-

не с другими жителями Крыма страдающие от голода и красного террора, также с надеждой смотрят на турецкий берег, ожидая основателя современного турецкого государства, Мустафу Кемалю Ататюрка (1881–1938) в роли спасителя от большевиков: «Кемал-Паша! Крым идет... пылымот стрылял, балшевик тикал! Хлэб будит, чурэк-чебурэк... баряшка будыт... Балшой чилавэк Кемал-Паша! Наш будыт...» [11, с. 465]. В реальности в описанное время Кемаль не только не собирался воевать с большевиками и забирать у них Крым, но и заключил с ними «договор о дружбе и братстве» («Московский договор» 16 марта 1921 года), предусматривавший соглашение о безвозмездной финансовой помощи Турции со стороны советского правительства. Однако повествователь не корректирует и не комментирует описанные выше ожидания. Действия исторического лица приобретают в «Солнце мертвых» гиперболический, полусказочный характер: «Кемаль-Паша воюет со всеми народами на свете: побил и греков, и англичан, и французов, и итальянцев, – всех побил – потопил в славном турецком море» [11, с. 465].

В прозе Шмелева турки выступают как угрожающая, темная сила лишь в сознании некоторых персонажей – малообразованных пожилых женщин. В романе «История любовная» (1927) такая женщина предполагает, что на Кавказе страшно, потому что «турки там с пиками на горах сидят» [12, с. 66]. В «Солдате Кузьме» московская старушка Полугариха повествует о своем паломничестве в Иерусалим, который в изображаемое время находился под властью Османской империи; по ее словам, даже внешний облик турок воплощает опасность близкой гибели: «А у каждого-то длинная-предлинная сабля. Захочет – сейчас голову и отрубит» [5, с. 230]. Монолог Полугарихи имеет мифопоэтическую основу: «Страшно станет, как примется она рассказывать. <...> Лезла она на сорокаверстную гору, – все обязательно на нее должны влезть, а то турки ко Гробу Господню не допустят, – чуть жива осталась: сидит там на маковке громаднейший султан-турок с пикой и все норовит пикой этой спихнуть в тартарары. <...> ...обошла я турку того страшного постом и молитвой. И есть там вода – кипятко, из каменной горы льется. Рыбку можно варить, кто не знает. А вода-то та из преисподней у них текет, из ада! А они-то все заманивают – рыбку свари, поешь! И кидали они меня, турки окаянные, в океян-черно-море с высокого корабля, душу хотели загубить» [5, с. 229]. Почти через двадцать лет этот монолог Полугарихи, как и сам ее образ, с некоторыми изменениями были перенесены Шмелевым в «Лето Господне» (1933; глава «Обед для разных»), где упоминается, что один глаз ей «выхлестнули за веру турки», которых она прямо именует «демонами» [13, с. 113].

По утверждению исследователей, в посвященной Турции литературе «резко отрицательным показано отношение русского народа к мусульманству. Именно религия являлась и является основой культурных разногласий» [2, с. 220]. Применительно к приведенному выше полуфольклорному рассказу Полугарихи это действительно так. Но в других произведениях Шмелева восприятие религиозных различий между русскими и турецкими персонажами рисуется идиллическим. В «Няне из Москвы» рассказчицей выступает такая же неграмотная московская старушка, как Полугариха, однако никакой демонизации турок в ее повествовании нет. Рассказывая о своей работе в стамбульской семье, Дарья Степановна употребляет по отношению к своим работодателям наименование «нехристи», однако оно не является для нее оценочным, а разница вер не влияет на ее общение с детьми: «И сказки им сказывала, всё они разумели. Спать уложу, покрещу, они и спят спокойно» [6, с. 79]. Гассан, услышав от рассказчика историю Христа, тут же решает: «Гассан будет любить Христа» [8, с. 25]. Оставаясь мусульманином, этот персонаж в дальнейшем действительно ведет себя как человек, сознательно следующий за Христом: прощает врага, отнявшего у него самое дорогое; спасает утопающих, отдает свою жизнь для избавления людей от смерти. «Не отказываясь от своей веры, Гассан сердцем принимает Христа, утешившего его и вселившего надежду» [14, с. 324].

Особенно значим в аспекте данной темы «Трапезондский коньяк», где рассказчик становится свидетелем внезапной женитьбы своего фронтowego друга, штабс-капитана Сергея Грача, на незнакомой ему турчанке. Во время бракосочетания, совершенного по мусульманскому обряду, жених был настолько пьян, что не осознавал происходящего; проспавшись, он видит в своей прифронтовой мазанке прекрасную девушку. «Рукой так, на нее – “ты кто?” А та... Господи, что за жест! – по лицу его, нежно так... – фантазмагория! без слов

понятно: “я, мол, жена твоя”. Так вот именно и сказала ручка. И, верите, ни страха, ни... ну, ничего, как надо. Это у них от века, как дыханье, как бы служение» [6, с. 231]. Последующий обмен репликами лишь подтверждает то, что уже сказано без слов: «Он тогда, по-турецки – “ты кто... как ты сюда попала?” А она ему, кротко-нежно, и голосок – серебро живое – буль-буль – соловей по-ихнему: “жена твоя, господин”» [6, с. 231–232].

Вопреки турецкому обычаю, перед началом бракосочетания Сергею по требованию его вестового показывают лицо невесты: «Канальчук Мамуту мигнул – показывай товар. Мамут фату откинул – извольте глядеть. У них это не полагается, до свадьбы, а тут старшина велел и мулла ничего, подакал. Ну, красота-а..! А Грач воззрился под потолок, не смотрит. Так всем понравилось, что закон хорошо блюдет. <...> ...смотрит под потолок, – “ну, так-то чинно, лучше нельзя, прилично”. А это на него так трапезонд оказывал – полное истуканство» [6, с. 230]. Как видно, турки используют информацию о причинных связях, априорную для своей культуры: они полагают, что жених не смотрит на невесту, соблюдая положенный порядок. Тем самым они совершают так называемую ошибку иллюзорных корреляций [9, с. 210]: в реальности Грач смотрит «под потолок» лишь под действием большой дозы алкоголя. Однако поведение русского офицера удачно совпадает с турецким обычаем, что усиливает идиллическую тональность эпизода.

Героиня «Трапезондского коньяка» легко принимает религию мужа и быстро осваивается в новой культурной среде: «В феврале... Грач писал из Тифлиса, что Дзюльма учится, уже порядочно говорит по-русски, и батюшка готовит ее креститься. В апреле писал, что Дзюльма необыкновенная, все от нее в восторге, ее уже окрестили, и теперь она – Оленька, и скоро свадьба, мать не нарадуется: Оля – вся – грация, нежность, кротость, чуткость и чистота» [6, с. 233]. Примечательно, что в крещении Дзюльма получает самое дорогое для писателя женское имя: за два года до создания рассказа Шмелев потерял жену Ольгу Александровну, с которой прожил в любви и согласии около сорока лет.

По словам Л.И. Еременко и Г.И. Карповой, в образе Дзюльмы проступает нежная, кроткая, чистая сердцем, «светлокожая» возлюбленная лирического героя газелей Саади и «целомудренная, чистая, благородная и богобоязненная» Шахразада [15, с. 65]. При этом турчанка, в глазах которой рассказчику видится «её небо, её душа» [6, с. 232], противопоставлена прежнему увлечению Сергея – «самой современной» русской барышне «с истерической истомой» [6, с. 226]. По контрасту с бывшей возлюбленной героя, Дзюльма – дитя земли, в которой живут «девичьи люди, как тысячу лет назад» [6, с. 225]; по ощущению рассказчика, она несет в себе «извечно-женское, созданное в тысячелетиях» [6, с. 232].

Дзюльма относится к характерному для писателя типу женских персонажей, которому Е.А. Коршунова дала определение «шмелевская девушка» [16, с. 136–153]: это женщины-девочки, нежные и кроткие; они пленяют окружающих своей целомудренной прелестью, чистотой, внутренним светом и всегда обречены на трагическую, часто короткую жизнь. Даже в самые счастливые для Дзюльмы дни повествователю чудится в ее глазах «отсвет какой-то обреченности» [6, с. 233]. Финал подтверждает это ощущение. «Трапезондский коньяк» завершается словами рассказчика о том, что после захвата города большевиками судьба штабс-капитана и его молодой жены неизвестна; между тем Шмелев на опыте собственной семьи знал, какая участь, скорее всего, постигла героя. По убеждению повествователя, «если нет Грача на земле, то нет и его Оли-Дзюльмы: такие не переживают любимого» [6, с. 234]. Погибает в России и Джемди – «маленькая красавица Востока, <...> олицетворяющая беззащитность красоты» [14, с. 325]. Однако и в том, и в другом случае смерть юной турчанки (в «Гассане и его Джемди» – бесспорная, в «Трапезондском коньяке» – лишь предполагаемая) не определяется ее национальностью, то есть не является следствием русско-турецкого конфликта.

Итак, среди многочисленных героев писателя, вступающих во взаимоотношения с турками, только два эпизодических персонажа воспринимают их как враждебную силу, а демонизирует их лишь старушка, в сознании которой смешивается «и правда, и сказка» [5, с. 230]. В подавляющем большинстве случаев, по контрасту с литературной традицией, отношения русских с турками развиваются в художественном мире Шмелева доброжелательно, а подчас даже идиллически. В рассказах «Солдат Кузьма» и «Трапезондский коньяк» этот идиллический характер отношений наблюдается даже между военными противниками. Ошибки в атрибуции, то есть в интерпретации поведения человека иной куль-

туры [9, с. 206], в произведениях писателя не только не приводят к межнациональным или межрелигиозным конфликтам, но подчас даже содействуют успеху русско-турецкой межкультурной коммуникации. Таким образом, своеобразие турецкой темы в прозе Шмелева являет собой наглядный пример преодоления многовекового восприятия соседа как врага.

Список использованных источников

1. Ермаков И. Ислам в русской литературе XV–XX вв. / И. Ермаков. – М.: Компания Спутник+, 2000. – 184 с.
2. Ростовцев Е.А. Образ Турции и турок в текстах русской художественной литературы XIX–XX веков в контексте формирования современной исторической памяти россиян / Е.А. Ростовцев, И.В. Сидорчук // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2014. – № 1 (191). – С. 215.–223.
3. Джошкун Ж.З. К вопросу об исследованиях ориенталистских образов Турции в русской литературе и культуре XIX–XX вв. / Ж.З. Джошкун // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 10–2. – С. 130–133.
4. Волков С.В. Почему РФ – еще не Россия / С.В. Волков. – М.: Вече, 2010. – 352 с.
5. Шмелев И.С. Собрание сочинений: в 5 т. / И.С. Шмелев. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 8 (доп.): Рваный барин: Рассказы. Очерки. Сказки. – 608 с.
6. Шмелев И.С. Собрание сочинений: в 5 т. / И.С. Шмелев. – М.: Русская книга, 1998. – Т. 3. Рождество в Москве: Роман. Рассказы. – 352 с.
7. Ислам классический: энциклопедия / под ред К. Королева. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. – 416 с.
8. Шмелев И.С. Гассан и его Джедди / И.С. Шмелев. – М.: Издание редакции журнала «Юная Россия», 1917. – 33 с.
9. Грушевицкая Т.Г. Основы межкультурной коммуникации / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин. – М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2002. – 352 с.
10. Шмелев И.С. Под горами / И.С. Шмелев // Рассказы: в 2 т. – СПб.: Издательство товарищества писателей, 1912. – Т. 2. – С. 159–266.
11. Шмелев И.С. Собрание сочинений: в 5 т. / И.С. Шмелев. – М.: Русская книга, 1998. – Т. 1. Солнце мертвых: Повести. Рассказы. Эпопея. – 640 с.
12. Шмелев И.С. Собрание сочинений: в 5 т. / И.С. Шмелев. – М.: Русская книга, 1999. – Т. 6 (доп.). История любовная: Романы. Рассказы. – 512 с.
13. Шмелев И.С. Собрание сочинений: в 5 т. / И.С. Шмелев. – М.: Русская книга, 1998. – Т. 4. Богомолье: Романы. Рассказы. – 560 с.
14. Ляпаева Л.В. Мифопоэтика рассказа И.С. Шмелева «Гассан и его Джедди» / Л.В. Ляпаева // И.С. Шмелев и проблемы национального самосознания (традиции и новаторство): материалы международных научных конференций «Шмелевские чтения 2011 и 2013 гг.». – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – С. 323–326.
15. Еременко Л.И. Поэтика рассказов И.С. Шмелева / Л.И. Еременко, Г.И. Карпова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 104 с.
16. Коршунова Е.А. Между классикой и модерном: традиция и интертекстуальность в поэтике прозы Ивана Шмелева / Е.А. Коршунова. – Харьков: ФОРМ БРОВИН А.В., 2013. – 216 с.

THE PECULIARITY OF THE TURKISH THEME IN I.S. SHMELEV'S PROSE

Svetlana V. Sheshunova, Dubna State University (Russian Federation).

E-mail: bog15k254@dubna.net.ru

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-0-16-20

Key words: *prose of I.S. Shmelev, Turkish culture, military theme, religious theme, family and domestic theme, intercultural communication.*

The article analyzes the specifics of understanding of Turkish culture in the works of I.S. Shmelev. On the basis of stories "Gassan and His Jaddy" (1906), "Kuzma the Soldier" (1915), "Trebizond cognac" (1938), novels "The Story of a Love" (1927), "The Nurse from Moscow" (1933), and tale "Under the Mountains" (1910) the actualization of the writer's military, religious, family, domestic and love themes are studied.

Russia was at war with Turkey more often than with any other countries. During the 18th and 19th centuries it lost no less than 740 thousand people in the Turkish wars, so it is quite natural that in its artistic consciousness there was a negative image of Turkey, which was repeatedly pointed out by researchers, emphasizing in Russian literature the perception of Turkey as an enemy and hostility of the Russian people in relation to the traditions, customs and way of life of the Turks.

In the literary works by I.S. Shmelev the Turkish theme is revealed in the comprehension of the Russian man of Turkish culture. The writer's view becomes more objective, covering both superstitious ideas of the Russian people about the Turks as a dark force, and attempts to learn a different world, to compare it with Russian reality. In this aspect, the "own" / "the other" opposition is actualized, but without the traditional hostility. Thus, in his understanding of military subjects the writer emphasizes the respect for the enemy's military art, the absence of animosity towards each other among Russian and Turkish soldiers; touching on the religious theme, I.S. Shmelev shows Turkey through the eyes of a man of Muslim culture – a Crimean Tatar, for whom Turkey embodies the dream of a just land, where justice reigns.

The study of the Turkish theme in the prose of the writer allows us to conclude that among the numerous characters of I.S. Shmelev, entering into relations with the Turks, only two episodic characters perceive them as a hostile force. In the majority of cases, in contrast to the literary tradition, relations between Russians and Turks are developing in the artistic world of Shmelev in a benevolent and sometimes even idyllic way. In stories "Kuzma the Soldier" and "Trebizond cognac" this idyllic nature of the relationship is observed even between military opponents. Misinterpretations of human behaviour in the writer's literary works do not lead to interethnic or inter-religious conflicts, but sometimes even contribute to the success of Russian-Turkish intercultural communication. Thus, the originality of the Turkish theme in the prose of Shmelev is a clear example of overcoming the age-old perception of the neighbour as an enemy.

References

1. Ermakov, I. *Islam v russkoj literature XV–XX vv.* [Islam in Russian literature of the 19th-20th centuries]. Moscow, Kompanija Sputnik+ Publ., 2000, 184 p.
2. Rostovcev, E.A., Sidorchuk, I.V. *Obraz Turcii i turok v tekstah russkoj hudozhestvennoj literatury XIX–XX vekov v kontekste formirovanija sovremennoj istoricheskoj pamjati rossijan* [Image of Turkey and the Turks in texts of Russian fiction of the 19th-20th centuries in a context of modern historical memory of Russians formation]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki* [Scientific and technical sheets of Saint Petersburg State Polytechnic University. Humanitarian and social studies], 2014, no. 1 (191), pp. 215-223.
3. Dzhoshkun, Zh.Z. *K voprosu ob issledovanijah orientalistikh obrazov Turcii v russkoj literature i kul'ture XIX–XX vv.* [To a question on researches of Oriental images of Turkey in the Russian literature and culture of the 19th-20th centuries]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [Actual problems of humanitarian and natural sciences], 2015, no. 10-2, pp. 130-133.
4. Volkov, S.V. *Pochemu RF – eshhe ne Rossija* [Why the Russian Federation – shouldn't mean Russia]. Moscow, Veche Publ., 2010, 352 p.
5. Shmelev, I.S. *Sobranie sochinenij: v 5 t.* [The Complete Edition: in 5 vol.]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 2000, vol. 8 (in addition), 608 p.
6. Shmelev, I.S. *Sobranie sochinenij: v 5 t.* [The Complete Edition: in 5 vol.]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 1998, vol. 3, 352 p.
7. Korolev, K. (ed.) *Islam klassicheskij: jenciklopedija* [Classical Islam: Encyclopedia]. Moscow, Jeksmo Publ.; Saint Petersburg, Midgard Publ., 2005, 416 p.
8. Shmelev, I.S. *Gassan i ego Dzheddi* [Gassan and His Jaddy]. Moscow, Izdanie redakcii zhurnalala "Junaja Rossija" Publ., 1917, 33 p.
9. Grushevickaja, T.G., Popkov, V.D., Sadohin, A.P. *Osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii* [Bases of the Intercultural Communications]. Moscow, JuNITI–DANA Publ., 2002, 352 p.
10. Shmelev, I.S. *Pod gorami* [Under the Mountains]. *Rasskazy: v 2 t.* [Stories: in 2 vol.]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo tovarishhestva pisatelej Publ., 1912, vol. 2, pp. 159-266.
11. Shmelev, I.S. *Sobranie sochinenij: v 5 t.* [The Complete Edition: in 5 vol.]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 1998, vol. 1, 640 p.
12. Shmelev, I.S. *Sobranie sochinenij: v 5 t.* [The Complete Edition: in 5 vol.]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 1999, vol. 6 (in addition), 512 p.
13. Shmelev, I.S. *Sobranie sochinenij: v 5 t.* [The Complete Edition: in 5 vol.]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 1998, vol. 4, 560 p.
14. Ljapaeva, L.V. *Mifopojetika rasskaza I.S. Shmeleva «Gassan i ego Dzheddi»* [Mythopoetics of I.S. Shmelev's story "Gassan and His Jaddy"]. *I.S. Shmelev i problemy nacional'nogo samosoznaniya (tradicii i novatorstvo). Materialy mezhdunarodnyh nauchnyh konferencij Shmelevskie chtenija 2011 i 2013 gg.* [I.S. Shmelev and problems of national consciousness (tradition and innovation). Materials of international scientific conferences 2011 and 2013]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2015, pp. 323-326.

15. Eremenko, L.I., Karpova, G.I. *Pojetika rasskazov I.S. Shmeleva* [Poetics of I.S. Shmelev's stories]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2006, 104 p.

16. Korshunova, E.A. *Mezhdru klassikoj i modernom: tradicija i intertekstual'nost' v pojetike prozy Ivana Shmeleva* [Between classics and modernism: tradition and intertextuality in poetics of Ivan Shmelev's prose]. Kharkov, FOP Brovin A.V. Publ., 2013, 216 p.

Одержано 4.03.2019.